

ПОЭЗИЯ

С предательским развалом Советского Союза, случившимся 20 лет тому назад, административные деления между республиками превратились в государственные. На моей малой родине — на юге Тюменской земли — граница с Кайсакией (Казахстаном) проходит ныне вблизи нашего огорода. Все персонажи и события в поэме “Граница” — реальные и гиперболизированные автором — связаны с южно-сибирским степным пограничьем.

НИКОЛАЙ ДЕНИСОВ

ГРАНИЦА

ПОЭМА

1. УТРО

Над озерком касатых табунок,
Окрест приметы ветхие былого:
Шалаш рыбацкий, ржавый таганок,
Остывший круг кострища станового.
Но тот же коршун — клюв наперевес —
И ястребок — перо отлито медью.
И жаворонок — собственность небес! —
Свивает трель, как в прошлое столетье.
Еще вдали быть должен мерный гул
Совхозной дойки, топот иноходца,
Стожок початый, войлочный аул
С гуртом овец и воротом колодца.
Еще камня соли-лизунца
Должны быть. И загон коровий сытный,
И строки троп в низинах солонца
Закаменелой повести копытной.
Уместны и незлобная гроза,
Кайсак-дружка*, и в шаялях цвета мака

* Кайсаки — старое название казахов.

Кайсачки, их приветные глаза —
Над необъятным блюдом бешбармака.
Ну и покос у рощи на краю,
Наш пёс Тарзан, он в радости задорной,
И наша Зорька в утреннем раю
Неутомленной травки приозерной...
Но даль пуста!

Иным стал отчий край,
И невозможно в прошлом воцариться.
Былого нет! Зброшенный сарай —
Теперь рубеж, твердыня,
Госграница!
Будь начеку!
Задержат и — взашей.
И вот, считай, в пяти шагах от бани,
В родных березках пара “калашей”
Уперлась в грудь.
— Полегче, бусурмане!
Наркотик ищут...
Эвон — три версты! —
Машинный тракт: ищи, являй усилья!
Хотя я сам тут, вроде наркоты,
Бревно в глазу — у властной камарильи.
Не гадство ли — угроблен прежний лад!
Еще, как встарь, на кольях сохнут кринки,
Но огород наш — “заданный квадрат”,
Где между грядок — азимут тропинки.
Ступи куда — под Божьей синевою
Заслоны, шмоны, экстренные меры.
Ты лишний здесь!
Всё схвачено братвою,
Поделено на “хазы” и на “сферы”.
И за “бугром”, где мой кайсак-дружок,
Наслышан: тоже байские коварства.
Один лишь ранний Петя-петушок
Как прежде, будит оба государства!

2. НАД ИШИМ-РЕКОЙ

По соседству, в цветах горячих,
То кайсацкий, то наш, казачий,
Скромн именем небольшим,
Катит воды степной Ишим.
Неустанно несёт к закату
И к восходу юдоль свою,
На полуденных перекатах
Кружит солнечную струю.
Проблеснет вдруг
в лесной чащобе,
Как лазоревый солнца луч,
С серебром чебаков в утробе
Омутов — у бездонных круч.
Пацанам-рыболовам служит,
Мужикам, что вершат зарод.
Тихий в осени, кроткий в стужу,
В половодье постромки рвет.
На челе вековые думы,
И виденья — из далека:
Вот поит табуны Кучума,

Вот — дружинников Ермака.
Кто-то черпает воду шлемом,
Кто-то шапкой, и дальше в путь,
Из былого — ордынец конный,
А из нового — мост бетонный,
Пост таможенный, шулера.
И слагбаум с орлом двуглавым,
Вроде лезвия топора.

3. ЖАРА

В сухой степи жаровня ада.
В колодцах пусто. Грай людской.
Дождя! Дождя живого надо,
Поливки, влаги хоть какой.
Горит пырей лесных опушек,
Спеклось кукушечье “ку-ку”,
Разверсты клювы кур-несушек,
И нет работы пауку.
Карасья мель бензином пахнет,
Над камышами смог густой.
И взвод контрактный тупо чахнет
Над трупом рыбки золотой.
И я влачу юдоль и муку
На той же “почве”, на мели.
С утра опять попал под руку
Пограннаряду: замели.
Сiju — вчерашний склад бригадный, —
Задержан, вякнуть не моги!
Жара в Эрэфии. Наглядно
Текут и плавятся мозги.
Ракетный щит — в металлоломе.
Военный рейтинг — никакой.
Уныл Генштаб, Главкомы в коме,
Бен Ладен ходит за рекой.
И правит бал ворьё в законе;
Протесты хилы и пусты,
И нету дыхания от вони, —
От телевизиорной туфты.
За что нам рыночные муки?
За что — Гоморра и Содом?
И Человек вздымает руки:
Да где ж Спаситель? Ад кругом!
Кто изувечил строй природы?
Кто посягнул на Божий трон?
И дьявол — зав бюро погоды,
Кивнул на стрелочника: он!
Он с кистенем по свету рыщет,
На нём сошелся клином свет,
Он объявил “духовной пищей”
Не образ Бога, бред газет!
Еще не ягодки, цветочки,
Но гуще стронция в крови...
Жара и сушь. Ни капли в бочке
У громовержца, у Ильи.
Рассохлись обручи, затычки
Противоядерных структур.
А Марс готов уж чиркнуть спичкой
И запалить бикфордов шнур.

Едва московский ум великий
Разбросил карты на сукне,
Пошли валеты — черви, пики...
Бубновый выпал: быть войне!
Спецназ подвальной обороны
Едва кондратий не хватил.
Министр сказал: “Оставим бредни!”
И, будто скатерть иль парик,
Со “штуки” — сделана намедни! —
Снял полог, ленточку расстриг.
Замечу: “штуку” в тайне строгой
От всех разведок, как могли,
В оглобли впрягшись, спецдорогой
Две “Беларуси” волокли!
Достойна!
С парными дверями,
С посеребренными краями,
Сиденье — злато напоказ! —
От думских купчиков — лоббистов,
Нутро — труды специалистов
Немецкой фирмы “Унитаз”.
— Наш “Унитаз” имеет сходство
С простым...
Но есть и превосходство:
Наш и могуч, и видит даль!
Почти что лазерный — в итоге!
Его германский канцлер строгий,
Благословлял, нажав педаль.
Для битвы пламенной годится,
Приспичит, можно облегчиться
И побазарить, как в кафе.
Убойным золотом сверкая,
Напомнить скопищам Китая
Про интеграцию в РФ...
Контрактный взвод запомнил фразу:
“Аллюр, ребята! Три креста!”
А ночью Штирлиц узкоглазый
Пометил узкие места.
И на заре, не зная страху,
В глуши сараев и плетней,
Шепча одно — “Акбар Аллаху!”,
Запряг он в “штуку” зверь-коней.
Охране — раз-другой по “фазе”.
Вожжа — к вожже. Родные, ну-у!
Еще никто на унитазе
Не ездил в город Астану!
Но при наезднике умелом! —
Сортирный дух разил с прицелом:
До Байконура — всё мертво!
То небеса в лепешку плюща,
Разя летящих и ползущих,
Подстать хохляцким ПВО.
Хлестал в напоре перспективном
По мелким пташечкам наивным,
Полегшим, собственно, зазря.
Лишь лайнер с Ближнего Востока
Тянул, петляя, как сорока,
В кайсацком небе фраеря.
И вот при Ф-1 (гранатах)
Встречают визири в халатах,

Охранный полк — в зубах ножи!
Встал “Унитаз” вблизи фонтана,
Затмив палаты Нурсултана
И — там, вдали — туркмен-баши.
По чайханам точились ляды.
Строчил Указы Госсовет.
И семь старух жевали мясо
На представительский банкет.
Три дня кумыс по юртам пили,
Крепили зрение и слух.
Потом трофей скребли и мыли,
Чтоб не витал неверных дух.
Перенацелили бесшумно
В секретной лесополосе,
Потом собрали самых умных,
Открыли курсы в медресе.
На зуб, на ощупь пробы брали
Из спецконторы сыскари.
Всю технологию слизали,
Всё содержимое внутри.

6. БОЕВЫЕ МОЩИ

Налицо еще момент
Крупного значенья:
Приграничный контингент
Двинул в ополченье!
Как, мол, так — кайсак-дружка
Спину гнет на бая?!
Русака ж за дурака
Держит власть кривая?!
Возмутился и — готов!
И — заправлен щами,
Контингент решил врагов
Сокрушить мощами.
Не до крови воевать,
Как воют бабы,
А святым — вражин пронять,
Внутренних — хотя бы!
Подсобрали всех, кто смел,
От морковных грядок.
Но в разгаре ратных дел
Выплыл непорядок:
“Где же мощи? —
Кто их “знат”? —
Хмурились славяне, —
Иль в Румынии лежат,
Иль в Ишимской бане?!”
По сусекам помели
У старух знакомых
И к полудню обрели
Две кости искомых.
Как всегда, нашелся “спец”,
Произнес тираду:
“Для мощей нужен ларец,
Как жерло снаряду!”
Обсудив вопрос с ларцом,
Уточнили ГОСТы,
Златошвею с кузнецом

Привели с погоста.
И кузнец легко сковал,
Закалил поковку,
Подсобрал утиль-металл,
И явил сноровку.
Златошвея, щуря глаз,
Сильно жмет на чувства:
“Жемчуг нужен и алмаз,
Чтоб достичь искусства!”
Обуял товарку “стих”,
Спасу нет, канючит.
А в резерве нет таких
Благородных штучек.
Ополченцы, видит Бог,
Потускнели разом.
И хваленый не помог
Коллективный разум.
Погодился депутат
Православной школы:
“Был сверкающий оклад
У Св. Николы!”
Побежали к попадье,
К ручке припадают,
Мол, порой и кое-где
Паствы голодают!
Поп стоит — в глазах нули,
Молвит: “Воля Божья!
По сусекам подмели,
Заскребем остожья”.
Протодьякон удручен,
Ангелы на взводе:
“Нас еще зачистил ЧОН
В двадцать первом годе!”
Пресеклась стальная рать
И — спиною к храму.
Обращаться надо, знать,
К олигарху — прямо.
Он, конечно, паразит,
Но не глуп, кто знает,
Сиднем в Лондоне сидит,
Баксов не считает.
Олигарх поклону внял,
Поиграл на флейте.
Из “лопатника” достал
Миллион: “Владейте!”
В общем, принял мужиков,
Сдвинули стаканы!
И в сенях им жемчугов
Насовал в карманы.
“Ну! — вздохнул народ-мудрец, —
Значит, будем живы!”
Тут вскричи стервец-малец:
“Жемчуг-то фальшивый!”
“Вот! — икнул контрактный взвод. —
Обманул, пархатый!..”
Повздыхав, побрел народ,
Будто в плен... по хатам.

Ну а взвод рубать компот
Не схотел. И сделал — ход!

Дали “сникерс” пацану
 Ушлые стратеги.
 И зондировать войну
 Сели в тень телеги.
 Страх объял Париж, Брюссель.
 “Что, мусьё, боитесь?”
 Тут же “телок” Куршавель
 В дар прислал: любитесь!
 А война? Ну что война? —
 Никакого смысла!
 Вклад внесла и Астана —
 Флягою кумыса!
 Разносолам — несть числа!
 Пили, ели жарко.
 Без проблем в расход пошла
 Вся гуманитарка.
 Для порядка свежий флаг
 Развернув на фляге,
 Повертели так и сяк
 “Пташечку” на флаге.
 “Нет, — сказали, —
 хрен кладем
 На войну с прибором!
 Ни под красным не пойдём,
 Ни под триколором!
 И зачем? — смекнули все
 Нанятые рожи, —
 При таком-то кумысе
 И жратве хорошей...”

7. ДЖАМАН*

И пока контрактники от войны “косили”,
 И дрожали суслики у нейтральных нор,
 Не сыскалось витязя во всяя России —
 Защитить от вырубки приграничный бор.
 Двинули ефрейтора с “калашом” впридачу,
 Тот спознался с девками на горе Любви.
 На горе любовный пыл, а в бору кайсачий.
 Ой, джаман! Что деется?

Со-ло-вь!*

Прокуроры прибыли. Не оперативно!
 Скрытое вредительство? Иль живой обман?
 Тут бы танки Ельцина. И — кумулятивным!
 Гексогеном путинским! Но опять — джаман.
 Где ж Ермак — надёжа наш, атаман казачий?
 Ваххабиты схापали? И — секир-башка?
 Демократы в панике, патриоты в плаче:
 Не нашли — на выручку! — Горбунка-конька.
 Самого Иванушку в три воды кидали,
 Соврашали деньгами и металлом жгли.
 Ни медаль “За мужество”, ни кафтан к медали
 Боевого рвения не произвели.
 Той порой в Кайсаккии нахлебались страху:
 Не в ту степь нацеленный, лопнул “Унитаз”, —
 То ль батыр-наводчики были под турахом,
 То ль сержант штуковины — сильно узкоглаз?

* Джаман (казахск.) — плохо.

Понапрасну тужился малахай режима:
Все барашки скушаны, сношена парча.
Вот уж янки наглые на берегах Ишима
Тискают кайсацких жен, го-го-ча.
Тарбаганом мечется кипишь эсенговский:
От объятий-форумов — до резни в Чечне.
Ой, джаман, начальники! — шелестят березки
Во бору Синицынском — русской стороне.

8. ЧЕРНОВОЙ ПРОЕКТ

Погружаемся в хаос, безверие, мрак,
А за ними — пещера, дубина и шкура.
Нет, Земля не кругла, будто круглый дурак,
Не успела сподобиться — плоская дура!
Довертелась!

Спеша, возжигают запал:
Фарисейство и глупость, позор и измена.
Ваххабит-дальнобойщик Нью-Йорк оседлал,
А Москва уж давно под огнём гексогена.
Уготован Антихристу лакомый кус:
Всепланетное пламя и черная тризна.
А с небес еще смотрит на нас Иисус
И не ангельский голос звучит — укоризна:
“Недостойные! Божий забыли завет.
Снова склоки, разбой, а в судах зубоскалы.
Для того ль я хранил вас две тысячи лет,
Чтоб вернулись в Мой Храм торгаши и менялы?
Для того ль говорил о терпенье, любви,
Чтобы — стража везде и глумливые клерки,
Чтобы мытарь с царем распивали чай,
Услаждая ноздрю из одной табакерки?..”
И — примолк.
И молчали окрест соловьи!
В это время страдал Он — в решении грозном.
Не решился пока. В колеснице Ильи
Прогремел.
Долго слушал я грохот колесный.

Продолжение в Европе —
Потоп, недород.
Над Парижем премудрая каркнет ворона,
Лев британский услышит и в Темзу нырнет,
Разбегутся слоны и ослы Вашингтона.
А бежать бесполезно —
Всеобщий Содом!
И когда доскрипит бытия колымага,
Наш двуглавый орел с византийским пером
От куриного гриппа помрёт, бедолага.
Никому не поможет и древний Коран,
Под копытом простонут пески и барханы.
Из последних проскачет батыр Нурсултан —
Без знамен и охраны...

Свет — в окне:
НЛО иль Вселенский конвой?!
Сон иль явь?
Иль убойного действия начало?
Впрочем, это прикидка, проект черновой,

Перспектива.
И Небом озвучено мало.

9. АТАМАН

*Опять, как в стародревние времена,
русици надеются на героев типа
Муромца, Добрыни, Ермака...*

— Уж пятый век — тоска глубин холодных,
К своим хочю — к дымкам

костров походных,

С налимами якшаться не могу.

Эй, жив ли кто на Русском берегу?!

(“Жи-и-в...” — донеслось.)

С чего ж душа тревожна?

Опять Кучум резню сулит?

Возможно!

И держит скрад во мраке камыша?

Но кровь — за кровь, ордынская душа!

Меч уцелел, кольчуга ...

Будем биться,

Рубить сплеча, как в прежние лета!

Но тишь какая...

Млечный путь искрится,

Иртыш к Обским объятиям стремится,

Ишим устало плещет.

Лепота!

Восток багрян, как пламень из пищали.

Мы ж этот край, сибирские места,

Под Русь Святую малой силой брали,

И замиряли — верю в Христа!

А мир людской по-прежнему кровавый!

Стрелу в полете не остановить.

Но после битв — встают не только травы,

И я восстал — за ради Русской славы,

В разгуле зла порушенной Державы, —

С соратниками слово говорить!

Средь новых гроз сплотим мы наши речи,

И пусть еще ковыль пошелестит,

Как бились мы, какие знали сечи,

Как из любви к деяньям человечьим

Прощал нас Бог.

А нынче — не простит!

Цвел сорняком непаханый увал,

Куда незнамо, двигались телеги.

И сонмы стрел щетинил краснотал,

Напомнив вновь ордынские набег.

И мы сошлись, спроворили бивак

У таганка — в тени речных боярок:

Чалдонский сын и он — живой Ермак,

Я ликовал: не царский ли подарок!

Он говорил, исполнен грозных сил,

И, как итог, как песню завершая,

Клич атаманский даль степи пронзил,

В державных битвах павших воскрешая:

— Крещеные! В полуденном краю

Нас ждет опять неторная дорога!

Эй, казаки, есть кто-нибудь в строю?
И с кручи докатилось:
— Есть немного...
— Так, значит, скоро высверкнут клинки!
И ахнет разом ветхая Европа:
В казачий Верный взмыленным галопом
Мы понесем на пиках бунчуки!
Просторна Русь, а лишних нет земель!
И юг сибирский — русские твердыни.
А где-то т-а-ам! — кайсачья колыбель,
Самум-ветра и воинство полыни.
Продажный век. На тронах упыри.
Мы спросим с них — безжалостно и кратко...
А с кручи снова: — Любо! Говори!
Такой расклад — что чарка перед схваткой!
— Как на пиру непрошенных гостей,
Сброд воровской на пиках вскинем сразу.
С ума сойдут от зрелища костей
Писцы и дьяки Тайного Приказа.

10. УСЕКНОВЕНИЕ

Я вновь один. Речная глубина
Вздохнула рядом — сонная, степная.
Плеснул чебак. Кайсацкая луна
Чадрой укрылась...
Сон иль явь? Не знаю.
Но где-то там, в заоблачной дали,
На рубежах вселенского распада,
Сошлись две силы — неба и земли —
Геоργия с копьем и силы ада.
И гул копыт возник из ковылей:
Небесный всадник?

Божье откровенье?

Дымами труб, перстами тополей
Перекрестились хмурые селенья.
А всадник мчал, над нечистью царил,
Гвоздил ее бесовский облик злостный.
Но брег Ишима конский бег смирил,
И воссиял посланец Богоносный!

Страну ментов, налоговой полиции,
Страну воров и теле-инквизиции,
Страну заплечных младореформаторов,
Шутов, шутих и обер-комментаторов
Объяла жуть! Гробы река несла,
Как щепки, без ветрила и весла.
Гробы, гробы... Для жизни бесполезные.
Но местный люд кидал крюки железные,
Добыть пытаясь пиломатерьял, —
Смолье и дуб от капитализации,
С клеймом Кремля,

с прищепкой думской фракции,

Где гроб-насельник раньше воспарял.
“Шли” домовины штатовских поборников,
Лоббистов бед, дефолтов, “черных вторников”,
Зинданов, в кои загнана страна.
У нас как раз нашлось местечко гадкое,
Где гроб-клиентов — с перхотью, с прокладками

И с “гоlden леди” — кушал сатана.
 Да всё путё-ём!
 Ну где-то не подмазали,
 Теперь, как зайцы (давний стих Некрасова),
 Неслись рекой. Эрефия, прощай!
 Не помогли и флаги полосатые,
 Кошерный пир и хануки пейсатые...
 И дед Мазай рукой махнул: “Пущай!”

Рубеж, граница — место не для шалостей,
 Для Божьей битвы голь степи досталась нам,
 Где вся твердыня — два иль три пенька,
 С десяток бань: теперь как доты значатся;
 Пяток портков с лампасами — казачество,
 Но — руки прочь! — потомки Ермака!
 Еще спираль Бруно, стена форпостная:
 Заставы твердь в погранселе Зарослое,
 И водоем — добавочный форпост:
 С гагарьим пискон сумрачная ляжина.
 И погранцов наряд закамуфляженный,
 Упертый рогом в бывший сенокос.
 “Где стол был яств...” —

 порушено, повыжжено,
 Скелеты ферм смердят навозной жижею.
 И, как реликт, непьяный тракторист.
 Фашизм пырея, глум чертополоховый,
 Да сопредельный, с торбой, шут гороховый,
 На местной фене — “злой контрабандист”.
 И весь базар!
 Окину даль закатную —
 Из-под руки иль в линзы восьмикратные:
 Ишим-река... Таможня... Пыль веков...
 А это, тыфу, не Чичикова рожа ли?
 Шкурят хмырь проезжего-прохожего,
 Приспел как раз — кильватер мертвяков!
 Гробы банкиров, сытые банкнотами,
 В одном рука торчит с протестной нотою,
 Другой — семейный, с креном на корму.
 Пошло безгробье — тоже отбазарили! —
 Орлы Кавказа, хитники Хазарии...
 Челночных баб вот жалко. Ни к чему.

11. ЭПИЛОГ

С восходом, с зарей заалела и кровля амбара.
 Как прежде, на пристань иду меж картофельных гряд.
 Внезапной подлодкой всплывает на Долгом гагара.
 Гусыня соседская гагает на гусенят.
 Порыв ветровой. Заходил дурулом камышинный.
 Напуганно вскрикнул мартын над рыбацким садком.
 Незрелый народ пролетел в иностранной машине
 Меж Долгим — Головкой. И вот уж пылят большеком.
 “На грязи”, конечно. Теперь толчея на Солёном*.
 Чуть что, наезжают. И побоку всех докторов.
 Живи бы отец, он бы выплыл на лодке смоленой
 Да вместе с Тарзаном. И тот бы глотал комаров.
 Кот Васька бы ждал на мостках в эйфории голодной,

* Долгое, Головка, Соленое – название озер.

Как выберут сети, меж дел посудив обо всём,
Чтоб после прошествовать узкой тропой огородной:
Тарзан, и отец, и кот Васька в зубах с карасём!
И я после смены сиял бы в разводах мазута,
Скворчала б жарёха, дымилась с укропом уха.
А мама и с Зорькой сумела б управиться круто,
Пока за калиткой не выстрелит кнут пастуха.
Потом уж и спать, занавесив простор законный,
Где мать и отец сенокосят в медах визилей.
И в снах-полуснах над страницами “Тихого Дона”,
И после мечтать о желанной Аксинье своей...
Пустое теперь уж... Сложнее забыться и выпить,
Поплакаться небу — обложен позором границ...
Осталось на Долгом под долгое уханье выпи
Смотреть на домашних, давно не летающих птиц.
Но хоть бы разочек, процесс, как всегда, “переходный”,
Увидеть далёких, взгрустнуть о заветном своём,
Как шествуют дружно — гуськом по тропе огородной:
Отец и Тарзан. И кот Васька в зубах с карасём.

2003, 2011 гг.